

Прокофьева Ирина Олеговна

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

В статье рассматриваются актуальность концепта "культурного гнезда" (Н. К. Пиксанова), его востребованность современной регионалистикой; особенности многоаспектного изучения региональной литературы как локально-регионального феномена культуры; основные подходы и методы исследований региональной литературы сегодня, а также проводится параллель между "культурными гнездами" Н. К. Пиксанова и теорией социальных полей французского социолога Пьера Бурдьё.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/39.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12(54): в 4-х ч. Ч. I. С. 147-151. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2015/12-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

Список литературы

1. Дьячков Г. А. Розовая чайка // Дьячков Г. А. Полет розовой чайки. Якутск: Бичик, 2003. С. 69-91.
2. Игнатьева Т. И. Музыкальный фольклор юкагиrow // Памятники фольклора народов Сибири и Дальнего Востока. М. – Новосибирск: Наука, 2005. Т. 25. Фольклор юкагиrow / сост. Г. Н. Курилов. С. 45-123.
3. Иохельсон В. И. Материалы по изучению юкагиrowского языка и фольклора, собранные в Колымском округе. Якутск: Бичик, 2005. 272 с.
4. Ключевский А. Без розовых очков. Культурные изменения в северной Якутии и произведения Геннадия Дьячкова // Юкагиrowская литература: сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2006. С. 317-324.
5. Курилов С. Н. Чаундаур. Якутск: Кн. Изд-во, 1979. 86 с.
6. Курилов Ю. Г. Юкагиrowские топонимы Северо-Востока Азии. Якутск: ИГиИПМНС СО РАН, 2013. 96 с.
7. Окорокова В. Б. Юкагиrowский роман. Якутск: ЧИФ «Ситим», 1994. 136 с.
8. Прокопьева П. Е. Изучение юкагиrowского фольклора в школах Республики Саха (Якутия): научно-методическое издание. Нерюнгри: Научно-исследовательский институт национальных школ Республики Саха (Якутия), 2003. 167 с.
9. Прокопьева П. Е. Отражение мифологического мышления в юкагиrowском фольклоре. Новосибирск: Наука, 2009. 143 с.
10. Прокопьева П. Е. Современный песенный фольклор лесных юкагиrow: содержание и особенности бытования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2012. № 5 (19). Ч. 2. С. 141-148.
11. Сыромятников Г. С. Романы С. Курилова // Литература народов Севера Якутии: сборник научных трудов. Якутск: ЯНЦ СО АН СССР, 1990. С. 98-106.
12. Хазанкович Ю. Г. Из другого далекого края // Юкагиrowская литература: сборник / сост. В. Огрызко. М.: Литературная Россия, 2006. С. 300-316.
13. Хозяин Земли: легенды и рассказы лесных юкагиrow / сост. Л. Н. Жукова, О. С. Чернецов. Якутск: Изд-во ЯГУ, 1994. 100 с.
14. Фольклор юкагиrow Верхней Колымы / сост. Л. Н. Жукова, И. А. Николаева, Л. Н. Дёмина. Якутск: Изд-во Якут. ун-та, 1989. Ч. 2. 89 с.

**THE YUKAGIR LEGENDS ABOUT YARKHADAN:
FOLKLORE INTERPRETATIONS AND LITERARY UNDERSTANDING**

Prokop'eva Praskov'ya Egorovna, Ph. D. in Pedagogy
*Institute of Researches in Humanities and Problems of Smaller Peoples
of the North of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences
pproe@yandex.ru*

The article examines the origin and the development of a popular image of Yarkhadan and the meaning of literary works, reflecting folk legends about her. The conclusion is made that the name of a cold mountainous river is put in the foundation of the folklore image of Yarkhadan, a river and a girl. The peculiarity of a “frozen” river served the reason for the creation of the topic of an unhappy love in the folklore. On account of the semantics of the name and love collisions in the folklore a dual view concerning the image of the girl Yarkhadan appears: on the one hand, she is the one, who isn't able to love, on the other hand – she is the one, who overcomes hardships and miseries. In the works by the Yukagir writers S. N. Kurilov “Legends about Yarkhadan” and G. N. Dyachkov “The Rose Seagull” Yarkhadan becomes the symbol of bravery and decisiveness, moral strength and spiritual renovation.

Key words and phrases: the Forest Yukagirs; legends about Yarkhadan; folklore image; lyric song; literary interpretation.

УДК 821.161.1

Филологические науки

В статье рассматриваются актуальность концепта «культурного гнезда» (Н. К. Пиксанова), его востребованность современной регионалистикой; особенности многоаспектного изучения региональной литературы как локально-регионального феномена культуры; основные подходы и методы исследований региональной литературы сегодня, а также проводится параллель между «культурными гнездами» Н. К. Пиксанова и теорией социальных полей французского социолога Пьера Бурдьё.

Ключевые слова и фразы: концепт «культурное гнездо»; региональная литература; топос; хронотоп; системно-типологический, сравнительно-культурологический, структурно-семиотический методы исследования; теории социальных полей.

Прокофьева Ирина Олеговна

*Башкирский государственный педагогический университет имени М. Акмуллы
kazahenko2010@mail.ru*

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ РЕГИОНАЛЬНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ[©]

Н. К. Пиксанов, разработавший и обосновавший в 20-е годы прошлого века методологическую концепцию-теорию «областных культурных гнезд», которая заключала в себе стройную схему изучения провинциальной

культуры и литературы, писал: «Ещё один ряд необходимых новых исследований я обозначаю в формуле: “областные культурные гнёзда”. <...> Та централизация, которая так заметна в политической русской истории, сказалась и на истории русского искусства и русской литературы, больше того, она обнаружилась и в русской исторической мысли. Подчиняясь централистским тенденциям, наша историческая мысль под новой русской культурой и литературой разумеет собственно культуру и литературу столичную, не учитывая, просто забывая, областную» [8, с. 8-9]. Своевременные, но не востребованные и на время забытые идеи учёного нашли своё широкое применение и реализацию в 1980-1990 годы, актуальны они и сегодня. Специальное многоаспектное изучение региональной литературы как локально-регионального феномена культуры позволяет противостоять глобализации и унификации национальных культур и российской культуры и составить целостное представление об общероссийском литературном процессе.

Любое явление культуры неразрывно связано с местом его бытования – топосом. Поэтому закономерно, что пространственный модус рассматривается как основополагающий в философии, антропологии, этнографии, эстетике, теории культуры и искусства, а также в литературоведении. В знаменитой теории хронотопа М. М. Бахтина временное становление является конститутивным моментом жанра, в свою очередь, временное становление тесно связано с пространственными координатами. «Хронотоп, – пишет М. М. Бахтин, – как формально-содержательная категория определяет (в значительной мере) и образ человека в литературе; этот образ всегда существенно хронотопичен» [3, с. 235]. М. М. Бахтин указывает, что термин взят им из естественных наук (математического естествознания и конкретно – теории относительности Эйнштейна) и перенесён в литературоведение «почти как метафора» [Там же, с. 234]. Говоря о связи времени и пространства в литературе, учёный имел в виду художественное время и художественное пространство, которые конструируют художественную реальность. Перенос сущностных характеристик текста на феномен культуры позволяет рассматривать реальное пространство как поле (или сферу) знаковых элементов, взаимосвязь которых определена планом реального времени. Поэтому сегодня мы можем встретить случаи использования термина «хронотоп» в области философии и социологии, предметы исследования которых находятся в реальном времени и пространстве. Так, Е. Я. Бурлина, выделяя феномен провинциальной культуры, говорит о «перепутанном» хронотопе, с деформированными связями пространства и времени [5].

Пространственный модус культуры получил исследовательское освещение в трудах М. М. Бахтина, Н. А. Бердяева, Г. Д. Гачева, А. Я. Гуревича, Ю. М. Лотмана, Н. С. Трубецкого, О. Шпенглера [12]. Пространственный код культуры изучался и изучается в работах по структурной семиотике. Любой феномен культуры содержит знание о месте своего происхождения и выражает это знание непосредственно или опосредованно через те или иные символические средства. Культура бытийствует локально: в локусе она получает оформление и самоутверждается во временном плане. Даже в том случае, когда локус понимается предельно абстрактно, превращаясь в категорию пространства, он не теряет силы оформления бытия культуры.

В истории литературоведения место создания или опубликования литературного произведения может иметь большую или меньшую значимость, но, даже редуцируясь до формального указания, никогда не переходит в разряд факультативных признаков, а остаётся знаком базовой информации о тексте наряду с именем автора. Доавторская литература, например, фольклор и средневековые тексты литературного канона, связана с местом, географией своего происхождения теснее, чем литература авторская. Научная рефлексия отражает эту разницу.

Известно, что мифологическая школа, проявившая такое пристальное внимание к национально-локальным литературным формам, предметом своего изучения имела преимущественно фольклорные тексты. И неслучайно Н. К. Пиксанов в предисловии к своему пособию «Два века русской литературы», аргументируя необходимость изучения областных литературных центров («гнёзд» в его терминологии), ссылается на «Курс истории русской литературы» В. А. Келтуала, в котором использован принцип областной дифференциации в изучении древнерусской культуры и литературы [10, с. 8]. Именно летописный жанр древнерусской литературы ярче всего выражает тесную связь времени и пространства в культуре (и литературе) Древней Руси, так как летописные записи являлись летописанием определённой местности. Летописная запись не имеет смысла без места своего происхождения. Летопись являлась самоутверждением определённой территории, города, княжества, монастыря во времени, создавала историческое бытие. И это историческое бытие имело яркую пространственную форму.

Поэтика репродуцирует в художественных формах определённую модель построения мира. История неавторской (по определению С. С. Аверинцева, архаической) литературы тесно связана с местом её происхождения, это история территориальной литературы [2]. Например, летописная Русская история, по словам Д. С. Лихачёва, «прикреплена к местности, неразрывна с географическими пунктами» [9, с. 266].

На наш взгляд, объяснение этого факта феодальной раздробленностью Древней Руси было бы далеко не достаточным. Неавторская литература неразрывно связана с местностью своего происхождения, поскольку местность является образом той общины, которая наделяла архаического автора правом голоса. Благодаря делегированному общиной праву голоса автора был авторитетным, несмотря на то, что оставался безымянным. Другими словами, именно неавторская литература выражает коллективное сознание некоего общества, которое получило социальное и культурно-историческое оформление на определённой территории.

Литература и её история хранят память об архаическом (можно сказать, первоначальном) концепте соотношения авторства и авторитета. Территориальная принадлежность литературного текста значима не только для изучения фольклора и средневековой литературы. Хотя именно неавторская литература «приобретает» автора в образе места своего происхождения, поскольку местом именуется и характеризуется община, делегировавшая право голоса безымянному исполнителю лирической народной песни или летописцу. Другими словами, именно неавторская литература говорит от лица территории, области, края, города.

С появлением индивидуального начала в литературе (и искусстве) и закреплением места автора в структуре поэтики значимость связанности литературного текста с территорией ушла в тень, но не исчезла. И как только литературоведение прибегает к теоретическим концепциям или методам изучения, которые «ослабляют» авторское начало, например, либо переводя акцент на групповую принадлежность автора (социальную, этническую, национальную и т.д.), либо расширяя границы авторских текстов и самого понимания текста до «сверхтекста», территориальный аспект изучения литературы тут же выходит из закулисной тени и занимает центральное место.

Обострённый интерес отечественной гуманитарной науки к провинциальной, или, другими словами, региональной, областной, локальной культуре, который мы наблюдаем на протяжении последних трех десятилетий, поставил вопрос о методологических принципах и концепциях исследования культурных пространств и их различных форм (в том числе и литературных), находящихся в той или иной степени удаления от столичного центра. В ответ на поиски теоретического основания для изучения локальных культур наука обращается к понятию культурного гнезда, предложенного в своё время историком литературы Н. К. Пиксановым (исначально в формулировке «литературное гнездо») и затем поддержанного и расширенного в предметных границах отечественными краеведами в 20-30-е гг. (Н. П. Анциферовым, С. В. Бахрушиным, В. В. Богдановым, М. М. Богословским, И. М. Гревсом). Так, в статье 2002 г., посвящённой применению концепта «культурное гнездо» в анализе региональной духовной культуры Сибири, авторы обращают внимание на *«удивительные возможности»* (выделено нами) подобного способа описания культуры, дающего цельное представление о специфике культурного процесса, локализованного в провинции» [6]. Другими словами, концепт Н. К. Пиксанова признается как наиболее удобный способ синтетического описания провинциальной культуры.

К «культурным гнёздам» обращается исследователь пермской региональной культуры Н. М. Инюшкин. В своей диссертационной работе [8] учёный в качестве сущностного специфического признака любой провинциальной культуры называет качество срединности, которое актуализируется не вообще и повсюду, а только в своеобразном феномене – «культурном гнезде», представляющем собой (учёный прямо обращается к цитированию Н. К. Пиксанова) «не механическую совокупность культурных явлений и деятелей, но тесное единение их между собой, некоторое органическое слияние» [11, с. 60]. Именно в «культурных гнёздах», как в силовых полях напряжения провинциальной истории, локальная культура находит свои формы выражения, самосознания, воспроизводства и преемственности.

Вместе с изучением региональной культуры через призму концепта «культурное гнездо» происходит не только актуализация теории и самого термина, но и углубление и расширение его толкования, а также интерпретация. Важно заметить, что желание современных литературоведов, историков, философов и т.д. «востребовать заново» появившийся в 20-е гг. концепт помещает вновь востребованный термин в контекст иного теоретического дискурса, что непременно влечёт за собой интерпретацию концепта в свете новых методологических направлений и модификацию его в условиях нового научно-концептуального рельефа [6]. Надо признать, что метафорическое использование слова «гнездо» для создания научного термина было очень удачным: оно позволяло Н. К. Пиксанову создать цельную форму емкого понятия, которая определила его дальнейшую теоретическую плодотворность. Это делает возможным спустя без малого почти столетие применить концепт «культурное гнездо» в условиях другой расстановки научных направлений.

Новый научный ландшафт в современной литературоведческой регионалистике отражён во введении к коллективной монографии «Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII в.». Автор этого введения Е. К. Созина выделяет основные подходы и методы в актуальных исследованиях региональной литературы.

Первый – традиционный, который построен на исследовании литературы второй половины XIX века, и в рамках которого региональные литературные процессы рассматриваются как периферийные составляющие истории русской литературы. Сегодня этот подход обогащён системно-типологическим и сравнительно-культурологическим методами исследования.

Второй подход – структурно-семиотический (В. В. Абашев, А. Ф. Белоусов, Л. О. Зайонц, Ю. М. Лотман, Н. Е. Меднис, В. Н. Топоров, Т. В. Цивьян и др.) [12]. Особый интерес вызывают работы В. В. Абашева [1]. Семиотика локуса рассматривает пространство как структурированное единство смыслов, то есть как текст, сверхтекст.

По мнению Е. К. Созиной, как продолжение и развитие семиотики пространства заявляет о себе феноменологический подход, опирающийся на феноменологическую философию, а также традиции геокультурологии и геофилософии. Согласно этому подходу, образ места (города, области, региона) – это имя места, являющееся не его конвенциональным знаком, а выражением смысловой сущности пространства, это имя, развивающееся в миф. В качестве представителей этого направления Е. К. Созина называет тюменского исследователя Е. Н. Эртнер и В. В. Абашева, подчёркивая особое значение новаторских работ последнего [14].

Заметим, что концепт культурного гнезда Н. К. Пиксанова без противоречий вписывается не только в инструментарий традиционного подхода, но и в структурную семиотику и феноменологию пространства. И, более того, цельная форма его ёмкого понятия позволяет избежать методологической эклектичности в условиях поисков синтетического подхода к изучению региональной литературы.

Понятие областного культурного гнезда Н. К. Пиксанова содержало в себе социологический аспект, который был далеко не второстепенным в этом подходе к изучению истории литературы. Автор концепта подчёркивает важность наличия совокупности социальных условий и, говоря современным языком, социальной инфраструктуры для появления и развития локальных очагов культуры. В «Двух веках русской литературы» указывается необходимость изучения историей литературы не только отдельных авторов, но и «литературной

среды, всей полноты литературной жизни» [10, с. 11], в которую входит и история критики, и история журналистики и цензуры.

В работе «Областные культурные гнёзда», давая объяснения понятию «культурное гнездо» и перечисляя социальные институты, в которых оно реализуется (литературный кружок, театр, местная газета, гимназия, семинария, публичная библиотека, народный университет, рисовальная школа), Н. К. Пиксанов говорит о социальной составляющей культурного гнезда: «Оно не мыслится без коллективной деятельности, оставляющей прочие объективные результаты» [11, с. 61].

Современные исследователи концепции Н. К. Пиксанова обращают внимание на важность её социологического аспекта. Так, например, Л. С. Соболева в статье «Концепт “культурное гнездо”: возврат из забвения» выделяет пять основных черт «культурного гнезда», причём все пять социально функциональны [13]. В переводе на язык социологического дискурса они будут звучать следующим образом: социализация творческой личности; установление общественных связей и социальная преемственность; обретение статуса творческой деятельности в иерархической системе общественных отношений; кадровый резерв специализированной культуры и коллективная самоидентификация, выраженная в особом областном менталитете и образе жизни.

Н. К. Пиксанов создал свою концепцию во времена, когда культурно-историческая школа ещё сохраняла свою доминирующую позицию в академическом литературоведении, методологические основы которого опирались на социальную детерминированность литературного процесса. Но, несмотря на то, что теория учёного выросла из культурно-исторического метода, понимание «среды» в его теории не столько скорректировано в условиях развития новых направлений в литературоведении рубежа XIX-XX вв., сколько приобретает цельную форму ёмкого понятия культурного гнезда как порождающей и воспроизводящейся культурной среды, в которой предпосылки творческой деятельности, её результаты и сами деятели связаны воедино.

Благодаря ёмкости концепта культурного гнезда, созданного на базе органической метафоры, теория Н. К. Пиксанова вписывается в теорию социальных полей французского социолога Пьера Бурдьё. Можно провести параллель между культурными гнёздами Н. К. Пиксанова и социальными полями Пьера Бурдьё: и там, и здесь воспроизводящей силой является коллективная деятельность. Теория социальных полей, в частности литературного поля, позволяет осветить и конкретизировать социальный аспект концепта «культурное гнездо».

По мнению французского социолога, наука о литературе, как и любая наука о любой сфере культуры, должна произвести три взаимосвязанные операции: 1) проанализировать «позицию литературного поля внутри поля власти»; 2) произвести «анализ внутренней структуры поля»; 3) осуществить «анализ становления диспозиций, которые, будучи продуктом некоторой социальной траектории и некоторой позиции внутри литературного поля, находят в этих позициях более или менее благоприятную возможность реализации» [4].

Анализ третьего уровня («формирование габитусов» – в терминологии Пьера Бурдьё) очень близок к пониманию задачи изучения литературной среды в «Двух веках русской литературы» Н. К. Пиксанова: «Определение социальной среды, воспитавшей известное литературное явление, часто поможет понять не только его психологическое, идейное содержание, но и формальные особенности, а также – причины расцвета или увядания» [10, с. 18]. Н. К. Пиксанов подчеркивает, что цель социологического аспекта анализа литературного явления – не общественно-политическая оценка, а установление причин появления литературного произведения. Областное литературное гнездо как раз являлось той системой диспозиций, которая порождает практику производства литературных текстов, воспринимаемых и оцениваемых таковыми, то есть литературными, в соответствии с ценностями и представлениями самой системы.

Поэтому вопрос о существовании региональной литературы должен ставиться ещё и как вопрос о наличии социального комплекса, порождающего, структурирующего литературную практику, а также её актуализирующего и институализирующего. Автор (и даже группа авторов) как основной агент производства литературного текста не создаёт ещё порождающего социального комплекса, он только реализует его возможности, но не один, а в системе социальных институтов: литературной критики, литературных журналов, издательств, творческих союзов, образовательных учреждений.

Н. М. Инюшкин противопоставляет региональную литературу столичной как провинциальную. Принципы, которые он формулирует для характеристики культурного гнезда, литературного гнезда, опять-таки основаны на принципах, уже сформулированных Н. К. Пиксановым. Н. М. Инюшкин считает, что понятие «провинциальная культура» сохраняет в себе одновременно специфику пространства и специфику функционирования. Обязательными составляющими «провинциальной культуры» являются «самоидентификация, самопознание и самоизменение» [8, с. 268]. Учёный пишет: «Провинция, её культура оказываются своеобразным контрольным пространством, той ареной, где история, время наиболее трезво и реально, по “гамбургскому счёту” проверяют ценность, устойчивость и плодотворность того, что пробует человечество для своего наилучшего жизнеустройства и духовного воплощения. Рассматривая суть происходящего, происходившего и того, что грядёт в национальной культуре, не будем забывать слова В. О. Ключевского: “В России центр на периферии”» [Там же, с. 294].

Подобная мысль звучала в трудах славянофила И. С. Аксакова. Отстаивая идеи о подъёме областного общественного самосознания, он утверждал, что русскому провинциализму суждено великое будущее. Определяя интеллигенцию как «самосознающий народ», И. С. Аксаков считал, что интеллигенция «ни есть ни сословие, ни цех, ни корпорация, ни кружок... Это даже не собрание, а совокупность живых сил, выделяемых из себя народом» [7, с. 86].

Таким образом, всё вышесказанное определяет важность и необходимость изучения региональной литературы, литературного гнезда, являющегося ступенью духовной жизни того или иного края и вбирающего в себя как основные процессы общероссийской, так и провинциальной культуры. Описание, анализ, систематизация,

выявление своеобразия региональной литературы играют первостепенную роль в осознании человеком своей национальной идентичности, принадлежности к определённой нации, стране, культуре, своей причастности к духовной истории России, к духовной самобытности своего края.

Список литературы

1. **Абашев В. В.** Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века. Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2000. 404 с.
2. **Аверинцев С. С.** Авторство и авторитет // Аверинцев С. С. Риторика и истоки европейской литературной традиции. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. С. 76-100.
3. **Бахтин М. М.** Формы времени и хронотопа в романе. Очерки по исторической поэтике // Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. Исследования разных лет. М.: Художественная литература, 1975. С. 234-407.
4. **Бурдьё П.** Поле литературы / пер. с франц. М. Гронаса // Новое литературное обозрение. 2000. № 45. С. 22-87.
5. **Бурлина Е. Я.** Мифы о провинциальной культуре // Российская провинция. 1994. № 1. С. 48-51.
6. **Дергачева-Скоп Е. И., Алексеев В. Н.** Концепт «культурное гнездо» и региональные аспекты изучения духовной культуры Сибири [Электронный ресурс]. URL: <http://zaimka.ru/dergacheva-concept/> (дата обращения: 22.10.2015).
7. **Иванов-Разумник Р. В.** Что такое интеллигенция? // История русской общественной мысли: в 3-х т. М.: Республика, ТЕРРА, 1997. Т. 1. С. 74-86.
8. **Инюшкин Н. М.** Провинциальная культура: природа, типология, феномены: дисс. ... д. филос. н. Саранск, 2005. 325 с.
9. **Лихачев Д. С.** Поэтика древнерусской литературы. Изд. 3-е, доп. М.: Наука, 1979. 352 с.
10. **Пиксанов Н. К.** Два века русской литературы. М. – Пг.: Государственное издательство, 1923. 184 с.
11. **Пиксанов Н. К.** Областные культурные гнезда: историко-краеведческий семинар. Введение в изучение, темы для культурно-исторических краеведных работ, систематическая библиография, руководящие вопросы. М. – Л., 1928. 148 с.
12. **Прокофьева И. О.** Уфимская художественная проза конца XX – начала XXI веков: состояние и функционирование. Уфа: БГПУ, 2015. 225 с.
13. **Соболева Л. С.** Концепт «культурное гнездо»: возврат из забвения // Регионы России для устойчивого развития: образование и культура народов Российской Федерации: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (25-27 марта 2010 г.). Новосибирск, 2010. С. 253-259.
14. **Созина Е. К.** Введение // Литературный процесс на Урале в контексте историко-культурных взаимодействий: конец XIV – XVIII в.: коллективная монография / отв. ред. Е. К. Созина. Екатеринбург: УрО РАН; ИД «Союз писателей», 2006. С. 5-20.

THE MAIN APPROACHES AND RESEARCH METHODS OF REGIONAL LITERATURE

Prokof'eva Irina Olegovna

*M. Akmullah Bashkir State Pedagogical University
kazahenko2010@mail.ru*

In the article the author considers the relevance of the concept of “culture nest” (N. K. Pksanov), its importance for modern regionalism, the peculiarities of multidimensional study of regional literature as the local-regional cultural phenomenon, the basic approaches and research methods of regional literature today, and draws a parallel between the “culture nests” by N. K. Pksanov and the theory of social fields by the French sociologist Pierre Bourdieu.

Key words and phrases: concept of “culture nest”; regional literature; topos; chronotope; system-typological, comparative cultural, structural and semiotic research methods; theory of social fields.

УДК 811.161.1

Филологические науки

Положения коммуникативно-функционального подхода были сформулированы в основном на материале художественных текстов. В нашей статье анализируются типовые значения предложений и рематические доминанты в текстах другого типа – текстах-описаниях предмета, созданных говорящим на основе прямого наблюдения. Анализ показал, что в состав этих текстов входят предложения с типовым значением качества и количества, которые, объединяясь во фрагменты, образуют качественную и количественную рематические доминанты.

Ключевые слова и фразы: типовое значение; модель предложения; рематическая доминанта; репродуктивный регистр; наблюдение; описание.

Роговнева Юлия Васильевна

*Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова
vinnih61@yandex.ru*

**КОММУНИКАТИВНО-ФУНКЦИОНАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РЕПРОДУКТИВНЫХ
ТЕКСТОВ-ОПИСАНИЙ ПРЕДМЕТА, СОЗДАННЫХ ПРИ ПРЯМОМ НАБЛЮДЕНИИ[©]**

С точки зрения коммуникативно-функционального подхода, разработанного Г. А. Золотовой и ее учениками, в центре языковой системы находится человек как субъект речевой деятельности и создатель текста.

[©] Роговнева Ю. В., 2015